

Флавий Кресконий КОРИПП

ИОАННИДА,
ИЛИ О ЛИВИЙСКОЙ
ВОЙНЕ

Флавий Кресконий Корипп Иоаннида, или О Ливийской войне

Серия «Всемирная история (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70014025

*Иоаннида, или О Ливийской войне / Флавий Кресконий Корипп: Вече;
Москва; 2023*

ISBN 978-5-4484-8955-6

Аннотация

«Иоаннида» североафриканского ранневизантийского поэта Флавия Крескония Кориппа (или Гориппа, ок. 510 – ок. 580 гг.) считается последним поэтическим эпосом Античности. Поэма, написанная гекзаметрами, повествует о восстании берберских племен против византийцев в Северной Африке во второй половине 540-х гг., чему Корипп был непосредственным свидетелем, а также рассказывает о более ранних событиях, приведших к этому конфликту. Поэма сохранилась в Италии в единственной рукописи (хотя в эпоху Возрождения их было известно как минимум три), впервые опубликована в 1820 г., но по-прежнему практически неизвестна русскому читателю.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От переводчика	6
Предисловие	22
Песнь I	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Флавий Кресконий Корипп
Иоаннида, или О
Ливийской войне**

Перевод и комментарии Е.В. Старшова.

© Е.В. Старшов, перевод, комментарии, 2023

От переводчика

«Иоаннида» североафриканского ранневизантийского поэта Флавия Крескония Кориппа (или Гориппа, ок. 510 – ок. 580 гг.) считается последним поэтическим эпосом Античности. Поэма, написанная гекзаметрами, повествует о восстании берберских племен против византийцев в Северной Африке во второй половине 540-х гг., чему Корипп был непосредственным свидетелем, а также рассказывает о более ранних событиях, приведших к этому конфликту. Поэма сохранилась в Италии в единственной рукописи (хотя в эпоху Возрождения их было известно как минимум три), впервые опубликована в 1820 г., но по-прежнему практически неизвестна русскому читателю. Существует лишь одна попытка прозаического перевода первой песни, осуществленная Н.Н. Болговым в Белгороде (2017 г.).

Таким образом, читателю впервые предлагается целый текст этого забытого византийского шедевра. Добавлять «незаслуженно» к словосочетанию «забытый шедевр» стало уже, к сожалению, стереотипом. Причем зачастую это определение относится к произведениям ниже посредственного уровня, и, читая их, всегда хочется заметить, что забыты они как раз-таки очень даже заслуженно. К Корипповой поэме это все же, к счастью, не относится. Да, не Гомер. И даже не Вергилий. Таков Корипп, зачастую то впадающий в неисто-

вое, чисто византийское прославление власти, отнюдь такового не заслуживающей, то ударяющийся в открытый шовинизм, провозглашая превосходство «римлянина» над варваром – для ливийца самым скромным бранным эпитетом из многих, щедро изливаемых Кориппом, будет «дикий», не говоря о прочих. Но не будем забывать некоторые важнейшие вещи – во-первых, это последний эпос Античности и вместе с тем, скажем смело – первый эпос Средневековья, сочетающий, пусть не очень искусно, достоинства обоих пластов такого рода литературы. Отмирающий мир нимф сочетается с христианским благочестием, рай обозначается Олимпом, а Господь Вседержитель – нет-нет да и покажется в образе Зевса-Громовержца. Перечень восставших ливийских племен тоже отнесет читателя то к гомеровскому перечню кораблей или троянских союзников, то к массе разноплеменных войск, выступивших против Роланда. Порой кажется, что византийский полководец больше молится и плачет, чем действует, и в то же время, по античной привычке, Корипп часто пишет о воле рока, судьбы, Фортуны и т.д. Так что, как говорится, читайте, сравнивайте, наслаждайтесь. При этом, в связи с вышеизложенным, не надо забывать, что Корипп творил в период сильной христианской «реакции», целенаправленно истреблявшей с благословения Юстиниана, возомнившего себя богословом и церковным деятелем, последние «ростки» Античности, в том числе в науке и искусстве (достаточно вспомнить закрытие афинской платонов-

ской Академии и эмиграцию последних платоников в Персию, где им пришлось столь же несладко, как и в ставших для них чужими Афинах). Так что и в этом отношении произведение Кориппа уникально. Европейская культура все глубже утопала в омуте серости и фанатизма, а арабское завоевание Африки и Магриба процветанию там «прежней» культуры отнюдь не способствовало. (Кстати, в связи с наблюдаемой ныне «ответной атакой» североафриканцев на бывший «римский мир» – Италию, Испанию и особенно Францию – произведение Кориппа не лишено определенной актуальности.) Затем нельзя забывать о поэме Кориппа как бесценном источнике исторических сведений (об этом – чуть ниже). Также нельзя сказать, что Корипп оставался неизвестным для историков-византистов – например, его упомянул Ю.А. Кулаковский в изложении африканских событий того времени («История Византии», т. II), а его данные активно использовала З.В. Удальцова в работе «Народные движения в Северной Африке при Юстиниане»; однако следует признать, что современному поколению византистов, увы, в массе своей недоступен тот уровень владения греческим и латинским языками, которым отличались прежние поколения не только ученых, но и просто любознательных читателей: бывает, возьмешь какой-нибудь дореволюционный труд по означенной теме, и в нем постоянно авторы употребляют греко-латинские цитаты (порой безразмерные) без перевода, справедливо полагая, что обладатель не просто универ-

ситетского, но и хорошего гимназического образования легко поймет, о чем идет речь, и либо согласится с автором, либо нет.

Потом, в середине XX в., планка несколько понизилась; ученые – из старого поколения и их ближайшие ученики – порой ссылались в своих работах на непереуведенные византийские труды, указывая автора, сочинение и главы, что, с одной стороны, еще свидетельствовало об их умении и способностях работать с греко-латинскими источниками, но, с другой, не выставляло перед читателем наглядно «убогости» его познаний; в то же время человек, пишущий на ту же тему, но не владеющий древними языками, был вынужден опираться на эти так называемые второисточники, что само по себе уменьшало некоторую ценность работы, с другой же стороны – не гарантировало от повторения допущенных «греко-латинистами» неточностей или заведомого искажения древней информации. Вот почему, если не для развития исторической науки, то хотя бы для достойного поддержания ее «на плаву», сейчас особенно необходимы переводы древних. Стыдно сказать: в России до сих пор полностью не переведены Диодор Сицилийский, Плиний Старший, Дион Кассий, полный свод «Моралий» Плутарха! Конечно, не все столь безотраднo, и публикации имеются, и хорошая работа ведется (над Дионом, по крайней мере, и над хроникой киприота Леонтия Махеры), – но все равно медленно и мало. А жизнь человеческая слишком коротка. «Иоаннидой» за-

нимаются в Белгородском университете уже, насколько известно, второй десяток лет, подпитываясь внутривузовскими и, возможно, иными грантами (неужели потому и не спешат?!) – есть хорошие статьи, выпущен критический латинский текст, но за все время опубликован лишь перевод первой песни. У пишущего эти горькие строки нет желания отбивать чужой хлеб (вряд ли за сей труд ему воздастся чем-то большим и хорошим в материальном отношении) и примерять чужие лавры, но так можно и вовсе не дожидаться, пока «Иоаннида» наконец-то придет к русскому читателю. Осознание этих целей заставило автора перевода предпринять этот труд (он и сам дошел до этого, как говорится, «от нужды» – нужен был Корипп для создания книги по истории Византийской Африки, а перевода-то и не существует; пришлось перевести!). Пусть потом будут другие, более совершенные переводы – напрямую с латинского (как это и надо было бы сделать, знай ваш покорный слуга латынь так же, как английский!), а затем и нормальный стихотворный, в гекзаметрах Кориппа; тогда автор этого перевода скромно и безропотно отойдет в тень, довольствуясь тихой славой первопроходца и осознанием того, что в исследовании истории обожаемой Византии – святой и порочной, славной и низкой, являвшей несравненные образцы стояния за истину и гнусной мерзости, торжества разума и тупого фанатизма – и его меда хоть капля есть, по выражению М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так что пока – пользуйтесь на здоровье!

Перевод поэмы был осуществлен летом 2021 г. с английского издания. Разумеется, «перевод с перевода» уступает переводу непосредственно с оригинала: известна итальянская игра слов – «traduttore – traditore», то есть «переводчик – предатель», ибо, по-любому, переводчик вольно или невольно искажает мысли автора, не в силах передать различные их оттенки, намеки и двусмысленности, игру слов и т.д.; в данном же случае ваш покорный слуга выступает «двойным предателем», «корежа» и без того уже «искореженного» английским переводчиком Джорджем Ши Кориппа – и только отсутствие хотя бы такого русского перевода заставило его совершить этот труд. Впрочем, такая практика существовала и ранее – например, первые переводы трудов Иосифа Флавия тоже осуществлялись не с древнегреческого, а с латинского и даже немецкого, да и Василий Андреевич Жуковский, чей образцовый перевод «Одиссеи» доньше не превзойден, не знал древнегреческого вовсе, а пользовался немецким подстрочником. Впрочем, подобная деятельность успешно продолжается и поныне, свидетельством чему – перевод с английского фрагментов «Золотой легенды» архиепископа Иакова Ворагинского (три сборника 2017—2018 гг. – «Апостолы», «Святые мужи» и «Святые жены», «опередившие» полный перевод с латыни, подготовленный братьями-францисканцами), а также перевод с английского французской книги Ж.Ш. и К. Пикар «Карфаген. Летопись легендарного города-государства с основания до гибели» (2019

г.). Кроме того, насколько мы заметили, в последнее время даже при переводах с греческого и латинского указывается, что осуществляется сверка с уже осуществленными переводами на другие языки (например, перевод «Стратегикона» Маврикия с греческого, осуществленный В.В. Кучмой, сверялся с переводами на английский, немецкий, румынский, русский, болгарский, сербохорватский языки; до этого, кстати, много лет пользовались переводом М.А. Цыбышева с латыни). Представляемый читателю русский перевод «Иоанниды» – не стихотворный, а прозаический, как и послуживший «исходником» английский текст, поскольку автор перевода стремился не блеснуть доморощенным виршетворчеством, но более точно передать смысл, чтобы ввести «Иоанниду» в научный оборот как исторический источник ввиду его огромной ценности для довольно скудно освещенной истории Византийской Африки (ибо, хотя Корипп и был ритором и поэтом, его свидетельства очевидца описываемых им событий не менее, а порой даже более точны, чем изложение признанного историографа Юстиниановых войн – Прокопия Кесарийского). Естественно, мы не ожидаем и не требуем, чтоб читатель и вправду поверил в то, что византийский флот провожала сама нимфа Фетида, а полководцу Иоанну Троглите, главному герою поэмы, являлся падший ангел, однако в том, что касается исторических событий, стратегии, географии, деталей быта и вооружения, «Иоаннида» вполне может стать надежным историческим источником, подоб-

но поэмам Гомера. Что же касается прозаического перевода поэтического текста, все это тоже «от нужды», причины – те же, что заставили «переводить с перевода», так что повторяться не будем; а прецедентов тоже всегда хватало – например, русский перевод поэмы Джона Мильтона «Возвращенный рай», выполненный профессором А.З. Зиновьевым в 1861 г., тоже был прозаический (кстати, первые переводы мильтоновских «Потерянного рая» и «Возвращенного рая» зачастую осуществлялись не с английского, а с французского языка – не менее трех!). Да что далеко ходить: вот «Слово о полку Игореве» – древнерусская поэма, это несомненно, хотя и звучит не как привычные нам стихи; вот и переводят ее кто прозой, кто стихами. Верность либо тексту, либо художественному оформлению. Мы выбрали первое. Переводчик не ставил себе задачи создать подробный исторический комментарий (в данный момент он ведет работу над созданием отдельной книги по истории Византийской Африки, должной составить подходящую пару поэме Кориппа), равно как и объяснение богатой мифологической аллегорики Кориппа, однако в некоторых случаях сделал комментарии, необходимые для понимания текста и определенных реалий, а также касательно того или иного избранного им варианта перевода. Разумеется, пришлось очистить Кориппа от терминов, которыми его произведение обильно «обогатил» английский переводчик; не знаю, нормально ли это для английского языка, но по-русски такие слова, как «ко-

роль», «премьер-министр», «эскадрон», «генерал», «офицеры», «лейтенанты» и даже «солдаты» (термин, появившийся в позднем Средневековье и обозначающий воинов Италии, служивших за деньги – «сольди»), звучали бы в византийском эпосе VI века, мягко скажем, чужеродно. В паре случаев приходилось обращаться напрямую к латинскому тексту, когда сентенция английского варианта казалась невразумительной. Впрочем, автор предлагаемого ныне читателям перевода нисколько не сомневается, что и сам оставил определенное количество промахов, за что смиренно и испрашивает снисхождения к свершенному им труду. Сознательным выбором автора перевода было предпочтение более привычных русскому уху слов, нежели византийского эквивалента, – например, «император» вместо «василевс», «полководец» вместо «стратег», «отряд» вместо «тагма», «воин» вместо «стратиот» и т.д. Верно ли это, судить читателю. Также хотелось избежать слишком современных или «англизированных» слов, не свойственных, скажем так, византийскому лексикону, хотя это удавалось далеко не всегда, но по объективным причинам. Также, с другой стороны, не имелось намерения нарочно архаизировать перевод (как в неудачной попытке перевода того же Мильтонова «Возвращенного рая» С. Александровским, перегрузившим поэтический текст «церковнославянщиной» и «синодальщиной», сделав текст тяжело воспринимаемым, скажем так, неспециалистом в церковном деле). Однако иногда предпочтение отдавалось

более возвышенно-поэтическому эквиваленту – все-таки поэма...

Общая же канва событий в очень кратком изложении выглядит так: при императрице Галле Плацидии (ок. 388—450 гг.) два ее выдающихся полководца, Аэций и Бонифаций, вступили меж собой в конфронтацию, и последний, оговоренный Аэцием и справедливо опасаясь за свою жизнь, призвал в подведомственную ему Африку германских варваров-вандалов, теснимых в Испании вестготами, пообещав переселенцам две трети земель (429 г.). Те пришли, но придворный конфликт был уже улажен, Бонифаций попросил их вернуться обратно в Испанию, но его, разумеется, никто не послушал. Началась война, вандальский вождь Гизерих (Гензерих, Гейзерих; ок. 389—477 гг., правил с 428 г.) разбил Бонифация, загнав его в город Гиппон и осадив его там (хотя 14-месячная осада окончилась тогда для вандалов безуспешно, но на третьем ее месяце, 28 августа 430 года, скончался местный епископ – знаменитый Блаженный Августин Аврелий). Вторая решающая битва, проигранная Бонифацием, фактически отдала Римскую Африку под власть вандалов. Вернувшись в Италию, Бонифаций вступил в войну с Аэцием, в битве под Аримином вызвал его на поединок и был смертельно ранен. Вандалы же, не торопясь, прибирали к рукам африканские города (сданный римлянами Гиппон на 8 лет стал их временной столицей – до захвата Карфагена в 439 г.), срывали стены всех крепостей (кроме Карфагена),

а потом устроили знаменитый морской поход на Рим (455 г.) и вывезли из него много всякого добра и пленных, благодаря чему печально обессмертили свое племенное имя. Так образовалось африканское варварское вандальское царство, за вековую историю прошедшее путь от расцвета до упадка, который совпал с расцветом имперских амбиций Юстиниана (483—565 гг., правил с 527 г.), считавшего, что захваченные варварами земли – всего лишь временно отторгнутые части империи, и он призван исправить это положение. Предпоследний вандальский царь Хильдерик (Ильдерих) был союзником Юстиниана, миролюбивым немощным старцем, проигравшим военную кампанию против восставших ливийцев. Неудивительно, что воинственный двоюродный брат вандальского вождя – Гелимер – сверг родственника, а позже отдал приказ и вовсе убить его. Тем временем император Юстиниан только и приглядывался к тому, как бы восстановить Римскую империю в ее былых границах. Основными целями являлись захваченная готами Италия и вандальская Африка. Переворот в Северной Африке дал ему возможность осуществить силовое вмешательство под предлогом восстановления прав свергнутого союзника (точно так же убийство готской королевы Амаласунты позже даст ему повод послать войско в Италию). В 533 г. Юстиниан отправил в Африку полководца Велизария с 10 000 пехоты и 6000 кавалерии. Он разбил вандалов у Дециума и беспрепятственно занял Карфаген. Новая победа при Трикамаре озна-

меновала крушение вандалской державы; вождь вандалов Гелимер в цепях был отправлен в Константинополь. Остатки вандалов были зачислены в византийскую армию, и Юстиниан уже считал войну оконченной. Он отозвал Велизария и устроил полководцу триумф в Константинополе. Император возложил на себя титулы «вандалский» и «африканский» и приступил к восстановлению римских учреждений в отвоеванной провинции. Вот здесь-то как раз и надобно было действовать аккуратно – однако, фигурально выражаясь, здесь Юстиниан первым наступил на грабли, на которые в VII веке наступит Ираклий, реставрируя византийские порядки в отвоеванных у Персии Сирии, Палестине и Египте. Современник Юстиниана, государственный деятель и писатель Иоанн Лид, отмечал, что населению империи «... неприятельское нашествие казалось менее страшным, чем прибытие агентов казначейства». 15 лет понадобилось Византии, чтоб подавить африканские волнения: возмущались вандалы, ливийцы-берберы, византийские воины – пережившие на вдовах вандалов, они считали себя наследниками их земель, с чем был явно не согласен правительственный фиск. Преемник Велизария евнух Соломон подавлял восстания ливийцев и собственных воинов, не всегда с успехом (ему раз даже пришлось бежать в Сиракузы, на Сицилию), так что против главы восстания, византийского воина Стотзы, был послан сам Велизарий. Он спас Карфаген и разбил мятежников, но не до конца, а потому для «умиро-

творения» Ливии прибыл Герман, племянник Юстиниана. На момент его прибытия выяснилось, что лишь около трети войска остались верны правительству. Посулами и уговорами Герман сократил численность восставших, прочих разбил. Соломону вроде удалось усмирить ливийцев, но около 543—544 гг. он пал в бою с ними; победители соединились с остатками мятежного римского войска, вновь возглавленного скрывавшимся доселе в Нумидии Стотзой. На помощь племяннику и преемнику Соломона Сергию из Константинополя прибыл Ариовинд, женатый на племяннице Юстиниана, однако два льва в одной берлоге не ужились и внесли свою долю в ливийское смятение. Более того, Сергей не послал свои войска на помощь войскам Ариовинда, столкнувшимся с войском Стотзы (последний пал, равно как и убивший его византийский полководец Иоанн). Это стало поводом для отозвания Сергия, и двоевластие в Африке закончилось. Правда, властвовал Ариовинд недолго. Византийский командир Гунтарих (Гонтарид, Гонтарис), которого Корипп, кстати, обвиняет в предательских действиях, погубивших Соломона и его войско, умертвил Ариовинда и провозгласил себя императором – правда, процарствовал всего 36 дней и был предательски зарезан на пиру. Африка, казалось, была полностью потеряна для Византии. Назначенный Юстинианом правителем Африки полководец Иоанн Троглита, главный герой поэмы Кориппа, хоть и не без большого труда и поражений, окончательно подавил восстание византийских

воинов и ливийцев, о чем читатель и прочтет в «Иоанниде». Африка пока что останется византийской – однако некогда процветавшая Латинская Африка, лишившись ряда территорий, была теперь опустошенной провинцией под дурным управлением и разоренной вымогательством государственного фиска. Все оставшиеся там вандалы, и «особенно их жены», как подчеркивает Прокопий, были выселены. Так отсутствие определенной гибкости у Юстиниана фактически привело Латинскую Африку к ослаблению и полному разорению, что впоследствии предопределило ее отпадение от Византии.

О самом авторе известно немного, и то, в основном, извлечено из его же работ. Родился Корипп в начале VI в. в Римской Африке, находившейся в то время под властью вандалских королей. Дата его рождения определяется лишь приблизительно – благодаря панегирику, написанному им по случаю восшествия на престол племянника Юстиниана, Юстина II (565 г.), в котором Корипп упоминает о своем почтенном возрасте. Принято считать, что он жил в сельской местности неподалеку от Карфагена (что основывается на упоминании в предисловии к «Иоанниде»). По профессии он был учитель, что видно не только по его латинскому языку (не без огрехов, но для его эпохи – почти блестящему), широкому кругозору, но также и из упоминания в *Codex Matritensis* (в состав которого входит единственная сохранившаяся рукопись панегирика) как «Африканского грамматика». Сам Ко-

рипп писал, что он и до «Иоанниды» занимался написанием стихов, но они до нашего времени не сохранились (единственное, чем мы еще располагаем, – более поздний панегирик Юстину II, о котором мы уже упоминали, произведение, блеклое по стилю и избытку лести, однако довольно примечательное с исторической точки зрения, интересное нам описанием похорон Юстиниана и вступления Юстина в консульскую должность). Свою «Иоанниду» он, судя по всему, представил сначала в Карфагене, а потом – в Константинополе (об этом подробнее – в примечаниях). Неизвестно точно, какую роль в этом сыграла его прославляющая режим поэма, однако Кориппу удалось «закрепиться» при столичном дворе в чине *principis officium*, чьи функции не совсем ясны: предполагается, что он исполнял некие секретарские обязанности, возможно, при квесторе Анастасии, которому он посвятил особый панегирик, входящий в состав панегирика Юстину. Также весьма вероятно, что он имел дело с западными и родными североафриканскими делами, каковой вывод делают на основе того, что он упоминает в первой книге панегирика Фому – вероятно, префекта Африки, и Магна, аудитора в Италии. Также панегирик свидетельствует о том, что во время его написания Кориппа постигли какие-то бедствия (не исключено, что создание панегирика как раз было рассчитано на то, чтоб привлечь к себе «высочайшее внимание» и, таким образом, поправить свои расстроенные дела). Джордж Ши предполагает на основании этих жалоб (*nudatus*

propr̄iis), что Корипп мог лишиться каких-то владений или имущества в Африке, в очередной раз потрясаемой нестроениями, кроме того, еще упоминается vuln̄era, что можно связать и с понесением ущерба, и с обидой, и даже с физическим ранением. Более о Кориппе сведений не имеется, так что сложно сказать, достиг ли панегирик своей цели, или поэт так и умер, не дождавшись возмещения. Первый прозаический перевод панегирика осуществлен Н.Н. Болговым в 2017 г.

Евгений Викторович Старшов

Предисловие

(ст. 1—40)

Решил я, высокородные властители, поведать о лаврах, завоеванных победителем, и написать поэму прославления в дни мира. Я решил описать величие Иоанна, проявленное им в войне, и дела героя, чтобы о них читали грядущие поколения, ибо именно литература делает все известным в этом давно существующем мире, рассказывая обо всех битвах прежних полководцев. Кто знал бы могучего Энея, жестокого Ахилла, храброго Гектора, и кто знал бы о конях Диомеда или о шахматах Паламеда¹; кто знал бы Улисса, если б литература не описала их древние подвиги? Аэд из Смирны² описал храброго Ахилла, а ученый поэт Вергилий описал Энея. То, что исполнил Иоанн, подвигло меня описать его сражения и рассказать людям грядущего о его делах. Иоанн превосходит Энея в доблести, в то время как моя поэма, конечно, недостойна Вергилия. Великие дела нашего полководца, доблесть его людей и восстания, которые он подавил, громко возвещают о моей опрометчивости, и мой поэтический дар, не равный такому заданию, пребывает в затруднении и просто спотыкается при этой работе. С одной стороны стоят признательность и слава, о которой он возвещает, с другой – [возрастает] бледная неуверенность в себе.

И все же [звучащая] струна великолепных дел принуждает меня писать, и хоть холоден мой талант, меня согревают достижения моего героя. Итак, в этой необработанной поэме я восхваляю этого необыкновенного полководца, пусть даже мой ограниченный разум заставляет мой язык [молча] пребывать во рту. Что же мне делать? Следует ли мне, невежественному деревенскому поэту, некогда декламировавшему свою поэму в сельской местности, огласить поэму в Городе?³ Возможно – и я сознаюсь в этом, – неверно поставленный слог сделает мои стихи хромыми, ибо Муза моя – деревенская. Но наверняка даруют мне славу за хвалу, запечатленную в стихах. Или я один буду лишен награды, или мне и вовсе не писать? Ужас, который я изгнал из своего сердца, все больше сковывает мои губы. Пусть же будет хоть малое признание той хвале, что исходит из моих уст. Стихи, которые отвергают люди ученые, вдохновлены нашими победами, и наши великие радости восстанавливают мои силы, когда меня изматывает моя песнь. Если, среди многих триумфов, Карфаген возрадуется благодаря моим усилиям, пусть признание, по справедливости, будет моим, так же как и ваша привязанность, на которую я уповаю. Даже если моя деревенская Муза вступает в состязание с Музами Рима, слава возносит к небесам нашу общую звездную награду. Итак, если вы соизволите, к своему удовольствию, чтобы я прочел слова открывающей поэму книги, я, по вашему распоряжению, начинаю свою поэму.

Песнь I

(ст. 1—124)

Я воспеваю знамена битв и военачальников, яростные племена и разрушения войны, предательство, резню людей и тяжкие труды. Я пою о несчастьях Ливии и о сломленном могучем враге, о голоде, который пришлось терпеть людям, и жажде, приведшей в смертельное смешение обе армии. Я пою о пришедших в смятение народах, поверженных, побежденных, и о полководце, увенчавшем свои великие дела триумфом. Снова Музы хотят петь о сынах Энея⁴. Мир восстановлен в Ливии, он занял свое место, ибо закончились войны. Прямо стоит Победа, и крылья ее сияют. Милость обратила с небес свой взор на землю. Вместе с Правосудием Гармония, радостная защитница, простирает обе руки в объятиях и воссоздает мир. Ты, Юстиниан, император, возвышаешься меж ними, встаешь со своего высокого трона в своем триумфе и, как радостный победитель, даешь законы сломленным тиранам, ибо твои прославленные шаги ступают по этим царям и их пурпур ныне охотно служит римскому правлению. Под твоими ногами лежат поверженные враги, суровыми оковами связаны племена, руки их связаны веревками за их спинами крепкими узлами, а на их крепкие шеи в наказание возложены цепи⁵.

Если бы я имел сотню ртов, чтоб пропеть песни сотен сердец, мой дух все же был бы слаб, недостает мне таланта, потребного, чтобы воспеть все это, паря над опустошенными пространствами земли. Поэтому коснусь лишь главного, чему и надлежит величайшая хвала. Истомленная Африка разрушалась от великой опасности, ибо дикое бешенство было возжжено руками варваров, гордыми заговорами и сталью, огнем и людьми, во всех городах разоренной земли, и из всех частей Африки уводились пленные. Не делалось никакого различия; никто не щадил пророка и не даровал изможденному преклонными годами положенного по обычаю погребения. Каждое тело лежало, пронзенное мечами, и никакому сыну не позволялось вложить тело своего убитого отца в уста земли или пролить надлежащие слезы на его раны. Когда убивали отца, захватывали мать и детей и овладевали их имуществом. Злая сила Марса царила надо всем, и святые мертвецы устилали опустошенную землю. Знатные и бедные – все были охвачены одним несчастьем. Горе звучало со всех сторон, ужас и печальный страх охватили всех людей, и вся земля была обращена в беспорядок страшными опасностями. Кто опишет слезы, разрушение, награбленную добычу, пожарища и убийства, предательство, стоны и мучения, узы и насилия; кто будет в силах исчислить достойные жалость бедствия? Африка, треть мира, погибала в пламени и дыму.

И тогда император в его благости, приняв к сердцу эти заботы, раздумывал, кого бы он хотел послать к нашим бере-

гам как командующего военачальниками и главного вождя всей армии, ибо он стремился прекратить такое великое разрушение. Обдумав все, он выбрал Иоанна, который один сочетал в себе доблесть и рассудительность, казался вместе и храбрым, и мудрым. Его одного [император] счел способным дать отпор диким племенам и ревностно истребить их враждебные орды. Несомненно, [императора] прельстила слава [этого] человека, знаки его выдающихся достижений, победа, одержанная в трудной войне с гордым царством, – как он изгнал персов, каким смертоносным ударом сразил парфян, которые были уверены, что выстоят против него своей численностью и ливнем стрел. В те дни широкие поля Нисибиса были залиты кровью персов, и Набид, второй после парфянского царя, положившись на свою дикую храбрость, атаковал Иоанна, но, побеждая, потерял своих союзников. Тогда, обратившись в бегство, ведомый страхом, он едва успел затворить за собой ворота и не дать римским всадникам ворваться в центральную цитадель Нисибиса, и Иоанн, в знак своей победы, нанес удар копьем в высокие ворота персов. Все эти храбрые подвиги верного мужа словно прошли перед глазами императора. Он рассмотрел и вспомнил его труды – как тесные ряды врагов обнесли Феодосиополь палисадом и начали опасную осаду и как Иоанн под покровом ночи быстро проник в осаждаемые укрепления города и привел подмогу, как сквозь толщу врагов он прибыл к дружественным воротам, так что могучий Мермерой в ужасе отступил от стен;

и как тот же враг, еще более яростный и могущественный, чем прежде, осмелился приблизиться к Даре и испробовать римские отряды в битве – Дара, тот город, что окружил свои укрепления сияющей стеной стали, и место, где полководец вознес свои знамена. Но, вырвав первый город у врага благодаря своей бдительности, полководец преследовал неприятелей в их бегстве, отрезал им пути к отступлению и сохранил поля, чтоб враг не опустошил их и не причинил никому вреда. Сначала он занял высокий крепостной вал, после чего не замедлил действовать далее. Всегда преисполненный храбрости, он выступил против врага в открытом поле и изрубил бесчисленное множество отрядов противника в успешной битве. Тогда он обратил в бегство их известных вождей, союзные племена и самого Мермероя, знатного парфянина, теперь побежденного и повергнутого. Наконец, все персы, боясь преследовавших римлян, побросали мечи и блестящие фалеры на поле боя. По всей равнине сверкали персидские мечи и лежали легкие ножны и копья, щиты и гребни [шлемов], а на земле были простерты тела и лошади, оруженосцы полководцев, некогда надменных в своем вооружении. И их полководец тоже лежал бы, распростертый на земле, если б [наш] великодушный командующий не захотел взять его живым. И потерпев поражение, Мермерой и несколько его со товарищей, [теперь] взирали на высокие стены города. Мудрый Урбиций, которого его императорское величество возвел в ранг магистра оффиций⁶, почтил должностью советни-

ка в делах государства и которого избрал послать в те враждебные земли узнать об опасностях, которым жестокая война подвергла их, – так вот, он стоял посреди равнины и благословлял Господа: когда он увидел победоносных римлян, рубящих врагов, бегущих от них в страхе по опустошенным полям, он воздел руки и возвел очи свои к небесам и радостно воскликнул: «Вечная слава Тебе, Господь Вседержитель, потому что после всего этого времени наконец-то удостоен я видеть, как персы побеждены доблестью Иоанна, нашего командующего!»»

Император, снова и снова перебирая в памяти эти достижения, рассудил, что этот человек, давший прежде доказательства своей верности, один может защитить Ливию в час ее угнетения. Без дальнейших отлагательств он повелел полководцу вернуться с того отдаленного края земли [в котором он пребывал тогда]. Иоанн безропотно покинул ту страну и врагов. Теперь ему предстояло отправиться к водам Запада; он в краткое время исполнил приказы императора и, вернувшись победителем, ступил на золотой порог Римских ворот. Радостный, стоял он у ног императора, который смотрел вниз на своего слугу со спокойным выражением лица. Иоанн не замедлил покрыть поцелуями блаженные ноги своего повелителя. Тогда император повелел ему дать краткий отчет о делах на Востоке. По этой просьбе он наполнил слух своего высокого господина рассказом о войнах, которые он завершил. И его императорское величество, возрадовавшись о

своим воспитаннике, выразил пожелание, чтоб и в дальнейшем он был столь же победоносен, и немедленно отправил его на защиту Ливии.

(см. 125—158)

По приказу императора войско вошло на корабли, с [необходимыми] запасами и оружием, и необученный новобранец, которому только еще предстояло узнать о битвах, встал под знамя великого вождя, который вскоре подавит восстание. И настал момент, когда нежный ветер, наполнив паруса, уготовил волны пригодными к плаванию, и Фетида, пророча удачу, призвала моряков отправиться в море.

Но могучий император, преисполненный набожности, напутствовал полководца следующими словами: «Наше государство под моим управлением вознаграждает в зависимости от исполненного задания. Оно помогает всем возвышаться и возводит на ступени могущества тех, кого оно видит служащими его земле и людям. Так что слушай теперь эти слова, и постигай с удовольствием причины моих действий и сохраняй их в уме. Достойная жалости Африка, лежащая среди бесчисленных опасностей, донесла свой плач до моих ушей, и долг повелевает мне помочь этой бедствующей земле. Храбрый полководец, я принял мое решение. Ты кажешься способным разобраться с Ливией; так что воздвигай свои знамена и со всей быстротой погружайся на высокобортные корабли. Затем, с признанной твоей доблестью,

освободи несчастных африканцев и сокруши своими руками боевые ряды лагуатанских бунтовщиков. Пусть шеи их подчиненных, на которых ты накинешь узду, согнутся под нашими стопами. Поступай, как ты привык, согласно обычаям наших предков: помогай несчастным и уничтожай восставших. Так желает наше благочестие: щади подчиняющихся. Такова слава нашей доблести: подчинять высокомерные народы. Придерживайся этих заповедей, мой верный командующий, и исполняй их. Пусть Христос, наш Господь и Бог, сделает прочее, изменяя положение к лучшему, и пусть благосклонно проведет Он тебя через все это предприятие. И мы увидим, как за твои достойные дела слава твоя будет праведно возрастать, еще более [украшаясь] лучшими титулами».

Полководец пал перед ним ниц и поцеловал его божественные ноги, омывая их потоками слез. Исполненный отеческих чувств император, провожая полководца, горевал вместе с ним, ибо благочестие преисполняло дух господина.

(ст. 159—310)

Прибыв тогда к флоту, великодушный полководец воодушевил приветствовавших его моряков. Они спустили суда на воду, и мраморная поверхность воды почувствовала первое прикосновение весел. Быстро распаковали они паруса, и под громкие крики и ужасающий скрип [снастей] подняли их [на реи], и распустили их. И теперь ветер своими нежными порывами надул паруса, и кили [кораблей] прорезали

глубину [моря], и вся поверхность воды была покрыта сотней кораблей. Благоприятные бризы стали более частыми, в то время как поднявшийся западный ветер гнал суда вперед. Продвигаясь теперь быстро, они резали волны медными носами и делали борозды на мраморной поверхности [моря] своими таранами, так что пенные волны журчали под длинными килями. Флот проплыл Фракийские проливы, сдавленные с обеих сторон берегами, где море отделяет Сест от полей Абидоса, затем быстро миновали воды Сигеума, подгоняемые благоприятным ветром. Они проплыли мимо печального берега древней Трои, снова цитируя знаменитые поэмы поэта из Смирны и указывая с высоких бортов на земли их предков. Тут был дворец Приама, здесь – дом Энея, стоявший в отдалении в окружении деревьев, здесь жестокий Ахилл волочил за своей быстро несущейся колесницей тело Гектора. На этом самом берегу Эней, их победоносный предок, поразил Демолея – [тот самый] Эней, благодаря которому вознеслись высокие стены Рима и сияет славное имя империи, которая владеет, как господин, всей широтой земли. Они вспоминали все битвы Греческой⁷ войны: как пал Патрокл, пораженный копьем Гектора; как темнокожий Мемнон пал от раны, нанесенной Ахиллом, и как Аврора в своей преданности оплакивала гибель своего могучего сына; как Пенфесилея, девушка-воин, пала среди своих войск; в какую ночь был убит Рес, как молодой Троил встретил храброго Ахилла, по какому неизбежному року сам победитель пал от

стрелы Аполлона и, получив какую рану, пал на землю похититель женщины Парис. Под конец они вспомнили последний пожар истомленной Трои и бегство Энея; как, потеряв жену, он вынес своего сына, названного Юлом, и отца к кораблям, проплывшим так много голубых вод.

Петр, сын благородного командующего, слышал, как он рассказывает о битвах. Когда он услышал известное имя мальчика Юла, его мальчишеское сердце зажглось чудесным желанием прочесть самому все эти вещи, ибо он хотел узнать о войнах. Он был подвигнут к этому великим духом жертвенности и долга, представляя, что он – Асканий⁸, а его мать – Креуса. Она была дочерью царя, и его мать тоже была царской дочерью. Эней был отцом Аскания, а Иоанн – его. Он радовался, раздумывая об этих вещах, и [эта] радость коснулась его сердца. Он рассказал об этом отцу, слугам, всем людям, когда они пересекали море, покрытое крыльями парусов, он, Петр, одна радость своего отца и вторая надежда Римской империи.

Не обеспокоенный штормами, флот скользил по Эгейским водам и таким же путем еще быстрее прошел воды Адриатики, подгоняемый ветром. Вскоре они достигли берегов Сицилии. Тогда ветер забыл о кораблях, и все море лежало неподвижно из-за стихнувших ветров. Более нежные волны не омывали никакой берег. Двухформенная Сцилла была тиха, и не лаяли ее псы⁹. И волны в их беге не принуждали волчьи головы камней выть. И хотя край другого берега

сходится здесь [с этим], и прибрежные полосы приводятся в смятение вдоль узкого пролива, Харибда, никогда прежде не умиротворявшаяся, держала свои пенные волны неподвижными и ни выпускала, ни заглатывала их обратно¹⁰. Паруса, не оживленные бризом, свисали вдоль мачт. Тогда, велев своим товарищам выбирать шкоты¹¹, командующий сказал: «Войдем в этот тихий порт», – и моряки быстро разбежались по такелажу. Один торопился выбирать шкоты, другой – сворачивал [парус], третий – подбодрял своих радостных сотоварищей и ублажал сладкими звуками своей ясной песни. Мужчины кричали, выказывая храбрость, и их голоса помогали им в труде и давали морякам силу и радость.

Рядом располагались Кавканийские поля сицилийского Пахинума. Они образуют извилистую береговую линию, где римский флот и бросил якоря с изогнутыми лапами. Вечер рябил волны моря, в которых отражались звезды, и ночь растилала тьму по всей земле. В то время великодушный командующий Иоанн спал на палубе, свободный от забот, когда бдительный кормчий его корабля почувствовал, что поднимается легкий ветер. Молодые моряки резво забегали по кораблям, готовясь управляться с такелажем. Они отдали швартовы, даже не дожидаясь распоряжения от командующего. Моряки подняли все паруса, и их раздул ветер.

Движимый ветром, флот достиг середины моря. Мокрая от росы заря поднималась с горизонта, ведя за собой день, когда некая зловещая форма возникла прямо у ног коман-

дующего. Сродни мраку, ее лицо было подобно лицу мавра, ужасному в своем темном цвете, и она вращала глазами, исполненными пламенем. Она спросила: «К каким берегам ведешь ты свой флот? Думаешь, что приведешь его к Ливии?» На это командующий ответил: «Ты видишь, как плывут наши корабли, а спрашиваешь!» Мрачная форма, сердито продолжая вращать глазами, ужасающими [горящей] серой, сказала: «Ты не пересечешь [море]». Командующий понял, что это – падший ангел, давным-давно низвергнутый с небес. Но он не испугался этого лица, похожего на человеческое, но принявшего обличье дикаря, и бросился за сущностью, желая изловить ее. Дух, однако, расплылся перед командующим толстый слой мрака, смешанного с пылью, и помешал ему идти облаком мерзкого тумана¹². Тогда собственный отец Иоанна со спокойным выражением лица спустился с высокого Олимпа, облаченный в белое и хламиду со звездами, и встал перед глазами Иоанна, в то время как он искал свое оружие. Он остановил руку своего сына, и с его святых уст слетели следующие слова: «Пусть это безумие не подвигает твой дух на злобу, но твое добро [само] оразит это зло. Будь далек от грязных вызовов злого духа и не бойся». Командующий ответил ему: «Преблагословенный отец, человек Божий, ты узрел его, предлагающего поединок и лишаящего нас средства приблизиться [к нему]». Тогда старец благожелательно ответил: «Счастливым человеком, следуй по моим стопам и иди со мной как своим вождем». Так он сказал

и, сиянный сверкающим светом, спокойно вознес на верх мачты ослепительный факел¹³.

Итак, покачиваясь, но твердо стоял каждый кормчий, повернув спину к ветру, словно беглец. Он допускал, что его искусство может оказаться бесполезным, и в своем отчаянии не знал, куда направить корабль. И разодранные в клочья паруса не могли выдержать порывов ветра. Они были бесполезны, и моряки спустили их и отдали суда на волю волн и ветра. Их несло разными курсами и рассеяло по разным частям моря случаем, ветром или ночным странствием. Фортуна грозила жестоким кораблекрушением несчастным людям, которые потеряли всю надежду спастись и простились со своими жизнями среди стольких явленных опасностей.

Опечаленный командующий стонал и вознес свое сердце к небесам. Ведомый благочестием и испытывая страх, он искал Божией помощи, источая слезы. Растерянный, он начал свою мольбу такими словами: «Всемогущий Отец Слова, Создатель всего, Начало без конца и Бог, все элементы возвещают Тебя и трепещут перед тем, Кто их измыслил, своим Господом и Создателем. Перед Тобой сотрясаются ветры и облака, ибо Тебе повинуется воздух, высокое небо отражает грохот, и все великое строение потрясенной вселенной приводится в беспорядок. Ты Всеведущ, Всемогущий Отец, Ты в Своем предвиденье знаешь все. Не из жадности золота, не из надежды на награду отправился я в Ливию, но чтоб закончить войну и спасти несчастные души. Это – мое единствен-

ное желание, к этому стремится мой дух. Лишь благосклонное повеление императора посылает меня в это место. Ты – Господин нашего господина, и тот отдает повеления и сам признает, что это правое дело свершается благодаря Тебе и Твоей склонности. Ты подчиняешь нас всех ему и обязываешь служить. [Выходит], Твоим указаниям я следую. Взгляни, Святой Господь, на наши испытания, Ты, Милосердный и Безмятежный, и в благодати Своей снизойди нам на помощь в этот час великого разрушения. Но если собственные грехи Иоанна осуждают его пред Твоим судом, предай меня любой другой смерти, но спаси нас сейчас – ради Петра, моего сына». И когда он произносил это имя, звуки застряли в его устах и сердце отца задрожало, он упал на палубу, трясась всеми членами, а руки и ноги его были холодны как лед. Он изливал слезы, словно реку, и издал к звездам громкий стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.